

УДК 82'06
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-176-184

«Легенда о Великом инквизиторе» как метасюжет традиционалистской прозы

В. А. Степанова

*Красноярский государственный педагогический университет
им. В. П. Астафьева
Красноярск, Россия*

Аннотация

Статья посвящена анализу преломления метасюжета о Великом инквизиторе в традиционалистской прозе рубежа XX–XXI вв. Комплекс мотивов, заявленных в легенде о Великом инквизиторе, отвечает кризису ценностной системы, характерной для традиционализма этого периода (неотрадиционализма). Кризис сопровождается утратой ориентиров как таковых, ситуацией предельной неопределенности: мировоззренческий дуализм, свойственный «классической» традиционалистской прозе, сменяется многовариантностью. Роль Великого инквизитора, создающего ложную, но приемлемую для людей систему ценностей, играет патриархальный уклад. В произведениях Б. Екимова, М. Тарковского, Р. Сенчина следование патриархальному укладу, традиционная крестьянская работа на земле не позволяют прокормить семью, обеспечить продолжение рода. Альтернативой, найденной еще Ф. М. Достоевским, является всепрощающая любовь, которая и открывает выход в инобытие, прежде открытый любому патриархальному герою. В кризисные периоды он дарован только тем, кто способен на сознательный выбор, на жертву / самозаклание ради другого, что и позволяет преодолеть хаос и небытие.

Ключевые слова

Великий инквизитор, традиционалистская проза, неотрадиционализм, утопия, Б. Екимов, М. Тарковский, Р. Сенчин, кризис ценностной системы

Для цитирования

Степанова В. А. «Легенда о Великом инквизиторе» как метасюжет традиционалистской прозы // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 9: Филология. С. 176–184. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-176-184

“The Legend of the Grand Inquisitor” as a Metaplot of Traditionalist Prose

V. A. Stepanova

*Krasnoyarsk State Pedagogical University
named after V. P. Astafiev
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Abstract

The article deals with the analysis of the refraction of the metaplot about the Grand Inquisitor in the traditionalist prose of the turn of the 20th – 21st centuries. The complex of motives presented in the legend of the Grand Inquisitor corresponds to the crisis of the value system characteristic of the traditionalism of this period (new traditionalism). The crisis is accompanied by the loss of reference points as such, a situation of extreme uncertainty: the worldview dualism inherent in ‘classical’ traditionalist prose is replaced by multivariance. The role of the Grand Inquisitor, creating a false but acceptable system of values, plays a patriarchal way. In the works of B. Ekimov, M. Tarkovsky, R. Senchin the following the patriarchal way of life, traditional peasant work on the land does not allow one to support the family, to ensure the continuation of the family. The only alternative found by F. Dostoyevsky is forgiving love,

© В. А. Степанова, 2019

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 9: Филология
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2019, vol. 18, no. 9: Philology

which opens the way to otherness, which was previously open to any patriarchal hero. In crisis periods, it is given only to those who are capable of conscious choice, to sacrifice / self-sacrifice for the sake of another, which allows to overcome chaos and non-existence.

Keywords

Grand Inquisitor, traditionalist prose, neotraditionalism, utopia, B. Ekimov, M. Tarkovsky, R. Senchin, crisis of the value system

For citation

Stepanova V. A. "The Legend of the Grand Inquisitor" as a Metaplot of Traditionalist Prose. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 9: Philology, p. 176–184. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-176-184

Введение

«Легенда о Великом Инквизиторе» стала своеобразным метасюжетом русской литературы. О. С. Сухих в работе «“Великие инквизиторы” в русской литературе XX века» замечает, что «Легенда» представляет собой «квинтэссенцию волновавших писателя нравственно-философских проблем» [2012. С. 4]. Исследовательница постулирует «достоевскоцентричность» литературы XX в., что подтверждается и замечанием И. Волгина о превращении образов Ф. М. Достоевского в своеобразные литературные архетипы [Волгин, 2007]. Сюжет о Великом Инквизиторе, безусловно, является одним из наиболее значимых в русской прозе. В рамках данной статьи нас интересует, прежде всего, преломление сюжета в русле традиционалистской прозы как консервативного течения. Кризис традиционалистской прозы, пришедшийся на 1980–1990-е гг., сопровождается потерей ориентиров, мировоззренческим кризисом, что неизбежно ставит героя перед выбором между старым и новым, сакральным и профанным, жертвенностью и потребительством.

Но если традиционалисты, осмысляя кризисность направления, ставят под сомнение способности достижения идеала, но не их ценность, новое поколение писателей переосмысливает и сами ценности, и возможность их достижения. В этом ключе – разочарования в прежних ориентирах и поиска новой системы координат – написаны поздние произведения В. Распутина, Б. Екимова, эта же тенденция, но уже без попытки воссоздания традиции, присутствует в текстах М. Тарковского «Замороженное время», «Енисей, отпусти», «Бабушкин спирт», Р. Сенчина «Ёлтышевы», «Зона затопления», а также С. Шаргунова, Г. Садулаева, А. Варламова и др.

Метасюжет о Великом Инквизиторе включает в себя комплекс мотивов: мотив выбора, мотив свободы, мотив заклания себя ради идеи / бессмысленной жертвы (как инвариант), мотив любви / прощения как форма снятия противоречий, «проблема “насилованного счастья”», проблема экспериментирования над историей и вопрос о последствиях реализации этих идей для личности» [Сухих, 2012. С. 12]. Нельзя не отметить, что часть мотивов характерна для любой утопии.

В текстах Б. Екимова, М. Тарковского, Р. Сенчина тесно переплетены мотивы выбора и ответственности за сохранение ценностных ориентиров, вопрос самого права на выбор рассматривается как отступление от своей судьбы (в патриархальном обществе выбор предопределен), что коррелирует с метасюжетом «Легенды о Великом Инквизиторе».

Традиционалистская проза: кризис и варианты преодоления

Специфика образа Инквизитора заключается в том, что он, отказываясь от недостижимого идеала, создает ценностную систему – ложную, но приемлемую для людей. Система лишает людей выбора, но дает основания для самоуспокоения. В традиционализме роль такой системы, предопределяющей выбор человека и сулящей возможность счастья / спасения, играет сам патриархальный уклад, следование идеалам которого дарует охранение и выход в вечность. Таким образом, в классическом традиционализме фиксируется утопическая картина, соответствующая планке идеала, заданного Христом в сюжете о Великом Инквизиторе.

Однако уже в текстах 1980–1990-х гг. единственное, что сохраняет патриархальный уклад, – саму возможность перехода в инобытие, смерть. При этом необходимость придерживаться заданных ориентиров уже воспринимается как нежизнеспособная. Эта парадигма вполне отвечает заявленной в «Братьях Карамазовых» мысли о разделении на сильных (способных свободно следовать за Христом) и слабых (неспособных к свободе): так, патриархальные герои классического традиционализма – сильные, способные к самостоянию и защите не только себя и своего рода, но и мира окрест. Герои, отчужденные от рода, неизменно слабые, безвольные: вспомним Илью из повести В. Распутина «Последний срок» – утрата волос, подчинение жене, неспособность воспринять правду бытия. Примечательно, что именно в этот период демонстрируется разрушение общности как таковой (принципиально важной для веры, как подчеркивается в «Легенде»), происходит замещение обряда ритуалом (так, в рассказе В. Распутина «В ту же землю» похороны по городским правилам описаны как формальный ритуал, что и требует поиска нового обряда). О. Сухих подмечает, что Ф. Достоевский создает парадоксальную фигуру инквизитора-атеиста, т. е. в «Легенде» противопоставляется живая вера (воплощением которой является Христос со всепрощающей любовью) и религия (свод правил, ритуалов, за соблюдением которых следит кардинал). Что же удерживает персонажей в плане повествования в рамках нежизнеспособных правил? Традиционализм – явление не сугубо литературное, но социокультурное.

М. Берг, анализируя традиционализм как явление, констатирует: «Читательские ожидания провоцировали процесс репродуцирования приемов утопического реализма, приспособленных для решения таких задач, как “восстановление разорванной связи времен” и приобщение к опыту русской культуры XIX века, превратившейся у “шестидесятников” в еще один источник утопических представлений» [2000. С. 18].

Однако кризис любого литературного течения наступает именно на том этапе, когда это течение является легитимным и «каноничным», т. е. в роли условного Великого Инквизитора выступает сама логика направления, рамки которого каждый нарратор пытается преодолеть индивидуально, по-своему. Важность легитимности традиционализма в социокультурной жизни страны подтверждается и многочисленными государственными наградами, которые были вручены В. Распутину, В. Астафьеву, В. Белову в начале 2000-х.

Неотрадиционализм как явление формируется в 1990–2000-е гг., для него характерна утрата системы ориентиров как таковой, мировоззренческий дуализм сменяется плюрализмом, многовариантностью судеб, утрачивается та самая «общность», о которой говорит Великий Инквизитор: «Сыскать такое, чтоб и все уверовали в него и преклонились пред ним, и чтобы непременно все вместе. Вот эта потребность общности преклонения и есть главнейшее мучение каждого человека единолично и как целого человечества с начала веков» [Достоевский, 1982. С. 299].

Утрата общности – явление прежде всего социальное. Исторические события в жизни страны начала 1990-х – распад СССР, резкое расслоение общества, особое внимание к вопросам национальной идентичности – заставляют исследовать стратегии индивидуального выбора в ситуации неопределенности.

Состояние героев, зафиксированное в текстах неотрадиционализма, отвечает представлению Великого Инквизитора о том, что человек не в состоянии справиться со своей свободой: первый этап – бунт: «Они ниспровергнут храмы и зальют кровью землю. Но догадаются наконец глупые дети, что хоть они и бунтовщики, но бунтовщики слабосильные, собственного бунта своего не выдерживающие. <...> беспокойство, смятение и несчастье – вот теперешний удел людей после того, как ты столь претерпел за свободу их» [Там же. С. 301]. Особенно актуальным сюжет о бунте становится в начале 2000-х: он реализуется в романах «Санька» З. Прилепина, «Лед под ногами» Р. Сенчина, «1993» С. Шаргунова и др.

Метасюжет о Великом Инквизиторе в прозе Б. Екимова

Наиболее явно метасюжет о Великом Инквизиторе проявляет себя в повести Б. Екимова «Пиночет» (1999). У Ф. М. Достоевского сформулировано, что система, удерживающая человека в ценностных рамках, формируется на основании «чуда, тайны, авторитета» (то, что Христос в романе отвергает, а Инквизитор использует) [Достоевский, 1982. С. 30]. Утопия во многом также опирается на данные основания. В повести Б. Екимова показывается развенчание социальной утопии, связанной (в данном случае косвенно) и с религиозными представлениями традиционалистов.

Н. Ковтун в статье «Патриархальный миф в традиционалистской прозе рубежа XX–XXI веков» отмечает: «Пространство колхоза организовано в стилистике обетованности (последний ковчег) и одновременно отмечено классическими признаками казарменной утопии. Хутор освобождается от инородцев – корыстных чеченцев, здесь утверждается железная дисциплина, по дорогам встают караульщики, окрест гумна, коровников пропускается колючая проволока, доносительством занимаются даже дети. Мир окрест – непредсказуем, хаотичен, ассоциируется с Содомом, где гибнет все живое» [2013. С. 85].

Легенда о Великом Инквизиторе в новой интерпретации есть воплощение проекта Корытина. Сын принимает колхоз «Христа ради» как завет от умирающего отца. Неслучайно именно после согласия сына умирает старый председатель: «Так он и умер, спокойно, во сне» [Екимов, 2011. С. 398]. Смерть во сне – атрибут праведности, исполненности судьбы, снег, покрывающий кладбище, знаменует переход в метафизическое. Герои повести оказываются в мире хаоса, где бывшие ориентиры утрачены, новые не выстроены, община разрушена. Важной характеристикой нового мироустройства выступает отказ от земли: «А земля нам задаром не нужна. Зубами ее грызть не будешь! От огорода руки не владают. На черта она, эта земля?! Не землю, зарплату дайте, как раньше! За надой, за привес, за теляток, премию – чтобы за все копейка шла. А земля наша лишь на кладбище» [Там же. С. 411]. Надежда на выживание связывается с пенсиями стариков: «Говорим ей: гляди не помирай. И у всех так: молятся на стариков. Дожились» [Там же. С. 411]. Степан, прямо названный в тексте богатырем, не способен прокормить семью, так как не может воровать, его дочь готова идти в манекенщицы, что, несомненно, грозит бедой. Вывернутый мир, в котором старики содержат семью, а зрелые люди оказываются беспомощны, не содержит уже надежды на возрождение утопического начала.

Принятая молодым председателем миссия исполнения воли отца является закланием себя ради идеи: подчеркивается неоднократно, что Корытин отказался от более прибыльного места, но в родном колхозе пытается возродить благополучие, действуя силой. Он выступает богатырем, пытающимся в одиночку сладить с врагом: «Сила пришла, какую шашкой не возьмешь. С ней и пушкой не сладишь. Гаубицей», – говорит Петрович о новом времени [Там же. С. 423]. И хотя сам Корытов повторяет, что старое не вернуть («Ни царя-батюшку, ни прошлую нашу жизнь. Что с возу упало, тому – конец. Это главное, что надо понять» [Там же. С. 425]), тем не менее, именно возрождением прошлого он и занимается. Волевым усилием, преодолевая всеобщую ненависть, удается председателю по крупицам восстановить самое необходимое для жизни (хотя о райских садах и изобилии речь уже не идет), но очевидно, что это держится одним человеком, само же общество уже не является общиной, разрознено и инфантильно: «Все кинь, завтра – дикое поле. А понастроили: фермы, мастерские... И все в дым: растянут, разломают, сожгут. Детвора. <...> С папой привыкли жить, в семье. Прикажут: “Паси”, – значит – паси; “Коси!” – буду косить. А без папки хоть помирай» [Там же. С. 448]. Разделение общества на «сильных», выбирающих следовать отжившим заветам, и «слабых», растерянных и бунтовщиков, коррелирует с метасюжетом, заявленным Достоевским.

В тексте развенчиваются и патриархальная, и казарменная утопии: подвижничество одного человека способно лишь привести его к смерти (недаром сестра прощается с Корытовым навсегда), но сохранить минувшее, а тем более создать новое жизнеспособное пространст-

во – невозможно. Былые ценности утрачены, а для новой утопии нет оснований. Повесть «Пиночет» в контексте метасюжета о Великом Инквизиторе фиксирует состояние удержания нормы одним человеком, что – в логике развития сюжета – обречено, сулит гибель не только утопии, но и самого героя.

В более поздней повести Б. Екимова «Предполагаем жить» (2008) явлена попытка преодоления ситуации кризиса. Повесть представляет собой, скорее, манифест, чем художественное произведение, что довольно типично для представителей «деревенской прозы»: столкнувшись с кризисом традиционных ценностей, писатели становятся ораторами, обращаются к публицистике, схематичным произведениям (В. Распутин, В. Астафьев, С. Залыгин, А. Солженицын и др.). Повесть ориентирована на поиск нового основания, но поиск утопии уже не географический, не связан с границами родового пространства, а заключен в выборе жизненного пути. Идея – «Ничего нам не надо. А один лишь покой. Дом у реки, у моря. Сосновая роща. Живи и радуйся» [Екимов, 2008] – воспринята Ильей от умирающего незнакомца. И река, и сосновая роща обладают глубоким символическим значением. Река помимо границы означает и переход. Во многих культурах сосна олицетворяет «древо жизни». Кроме того, сосна является символом бессмертия (недаром ее часто используют для озеленения кладбищ).

В повести исследуются уже не коллективные (как в «Пиночете» – колхоз), но индивидуальные стратегии выбора жизненного пути.

Каждый собеседник героя, с которым Илья делится идеей покоя и уединения, отказывается от следования утопическому идеалу, откладывает обращение к покою и созерцанию на будущее, данный выбор почти незамедлительно приводит героев к смерти. Такое прямолинейное и довольно схематичное уничтожение героев, сделавших неправильный выбор, демонстрирует его предопределенность. В поисках покоя Илья оказывается сначала на хуторе у бабушки Насти, на Дону. Есть и река, и уединение, и родовые связи. Но и в этом заповедном месте приходится спасать могилы от разорения, да и Илью отсылает из поместья бабушка, опасаясь беды: «Моя сына, не возьми в обиду, но тебе лучше уехать» [Там же]. А на Волге, в поместье тетки Ангелины, простор, описанный как рай, замещается деньгами и роскошью, простота не воспринимается как благо.

Примечательно, что в «Легенде» Достоевского единственным способом преодоления хаоса и истинного следования за идеалом является всепрощающая любовь, которая и открывает надмирное. В повести Екимова таким выходом, способом обретения своей судьбы оказывается служение людям. В этом ключе выписаны образы отца Ильи, врача Хабарова, который символично возвращал людям зрение, память о нем сопровождает сына на протяжении всего текста, является, по сути, единственной опорой, обретенной им.

Подобной же исполненностью судьбы обладает баба Настя, окормляющая и растящая внуков, готовая помочь всей родне, уберечь могилы. Судьба её – от раннего сиротства до старости – наполнена работой и долгом перед родными: «Тяжело, моя сына. Но ведь – свои, родненькие. Их не кинешь» [Там же].

По-своему исполняет завет и сосед её, Арчаков, названный хозяином реки, собирающий сирот со всего света, отделяется от всех людей, к нему не проберешься, его жена говорит: «“Колхоз у нас будет”». «Взаправди колхоз» [Там же], – подтверждает бабушка Настя.

Б. Екимов в своих произведениях совмещает былой идеал с новыми условиями. Патриархальный хозяин Холюша в условиях переломного времени, разорения колхоза оказывается нежизнеспособен, странен. Корытин – прямая реализация идеала коммунистической утопии – в условиях меняющегося мира способен только вызывать ненависть, порождать насилие. По сути, в основании кризиса утопии в прозе автора лежит анахронизм. Герои Екимова оказываются перенесены из прошлого в современность в первозданном виде, что усиливает их чуждость, их традиции, устои, образ жизни неприменимы к новому миру. Единственный выход, который достаточно прямолинейно предлагает писатель в финальной повести, – обретение себя через служение людям.

Метасюжет о Великом Инквизиторе в прозе М. Тарковского

Иначе преломляется метасюжет в художественном мире М. Тарковского. В прозе писателя картина мира является тернарной: город – деревня – тайга. Тайга – пространство, «где мир сведен до размеров, когда в нем еще можно навести порядок своими руками» [Тарковский, 2014. С. 67]. Природа возведена в абсолют: «...природа – самый простой язык, на котором небо разговаривает с людьми <...> словно чудо произошло – уже не страшно, что иголки плывут, а тебя больше нет. Плывайте, мои золотые, плывите, да напоминайте нашим детям: кто служит вечной красоте, да не стыдится повторений» [Там же. С. 83–84]. Именно природа задает цикл забот, который наряду с кругом забот о ближних обеспечивает тот самый выход в вечность, который коррелирует и со всепрощающей любовью Христа.

Другие стратегии – поиск «новой жизни», отказ от промысла, переезд в город – маркированы как кризисные, деструктивные. Стратегия поиска новой жизни наиболее полно проявляется в образе Сереги из повести «Стройка бани». Внешнее сходство с отцом лишь подчеркивает внутренние различия, для него охота была «не всепоглощающим потомственным делом, а лишь чудаческим дополнением ко всему остальному» [Там же. С. 155], долгие месяцы «общей таежной жизни» с отцом перечеркиваются одним днем. Склонность Сереги «болеть», ложиться при малейшем недомогании тоже атрибутирует его как человека, чуждого таежной жизни. Отъезд в город и последнее его письмо к отцу с просьбой прислать рыбы, в то время как Иваныч строит баню и думает, «что дела надо доводить до конца, и то, что скорее умрет, чем позволит пропасть многовековому мужицкому опыту» [Там же. С. 148]. То, что «сам отъезд Сереги был пустяком... по сравнению с общей бедой, когда твое дело жизни оказывается ненужным сыну» [Там же. С. 177], – лишь подтверждает, что выбор взрослыми детьми иного пути – явление общее, свидетельство переломной эпохи, хаоса новой жизни.

Иную стратегию выбирает Парень, герой повестей «Ложка супа» (2000) и «Бабушкин спирт» (2004). Парень живет в баньке, и, «пока не пьет, цены нет, а как заусило – пропади все пропадом» [Там же. С. 212]. Первая повесть заканчивается тем, что Парень на время возвращается к детскому, беспомощному состоянию: он ослеп от пьянки, мать кормит его, водит, её «жалеющая, горчайшая и одновременно сладостная полуулыбка будто говорила: да, вот мы и вернулись, откуда пришли» [Там же. С. 235]. Примечательно, что Парень связан с Енисеем «навсегда». Это свидетельствует о том, что осмыслить его образ следует именно в контексте образов патриархальных героев. В повести «Бабушкин спирт» Парень становится Дядькой, он «так сократил количество действия, что почти впал в некий анабиоз <...> В оценении его не было ничего жалкого» [Там же. С. 239]. Отказ от деятельности, признание ее бессмысленной – иной вариант отчуждения от собственной судьбы. Но отчуждение это – созерцательное, неслучайно и дом назван «лбом жизни», и время в этом пространстве течет по-особому, оно тоже «замороженное»: «...вечно у горизонта что-то сеялось, никогда не приближаясь» [Там же. С. 240]. Дядька и Василий в тексте противопоставлены.

Василий – пахарь, он живет хлопотами и заботами, в работе, но «все вроде бы уходило в отвал, вдрызг он срабатывался сам» [Там же. С. 242], традиционная деятельность патриархального героя уже не релевантна в изменившемся мире, не является устойчивым, позволяющим выжить, но преобразуется в гонку, которая не приводит к результату. Про Дядьку сказано, что он «ближе всех казался к какой-то первой правде» [Там же. С. 244], ждал от железа – «вечного, возобновимого» [Там же. С. 245]. Его бездеятельность, созерцательность – уход от мира, он отказывается принимать его новые законы, но и восстановить старые не в состоянии, соответственно, оцепенение – возможность не участвовать в происходящем: «...если бы все так забастовали, то проучили бы извертевшийся мир, и жизнь снова обрела бы тот вдумчивый строй, когда говорил человек с природой без посредников» [Там же. С. 244].

Противоположность стратегий Сереги и Дядьки заключается в том, что сама возможность сделать выбор, отказаться от родовой судьбы отражает кризис, хаос. Дядька же отвергает выбор как таковой, застывает в созерцании.

Однако если у Б. Екимова идея Великого Инквизитора в повести «Пиночет» реализуется через личную жертвенность, принуждение людей к праведной жизни (спасению) вопреки их воле, то у Тарковского трагизм заключается в том, что выбор является индивидуальным. В повести «Енисей, отпусти» (2004) сказано: «Енисей брал на духовное иждивение лишь тех, у кого выбора не было» [Тарковский, 2014. С. 280].

Наиболее противоречивым в этом ключе является образ Бабушки, выписанной в стилистике праведничества, но при этом торгующей спиртом. Очевидно, что Бабушка принадлежит к патриархальным героям, вписана в природный цикл и в круг забот о ближних, но при этом она решается на торговлю спиртом. Тема алкоголя лейтмотивом проходит через все тексты писателя, является тем мерилом, которое определяет способность человека к выживанию, исполнению судьбы. Но финальный вывод: «Жизнь давно превратилась в неравную войну трезвых и пьяных, и выходило, жить натрезвяк и при порядке беспокойно и неудобно» [Там же. С. 255], – свидетельствует о смене ориентиров. Алкоголь маркирован однозначно негативно: «с похмелья душа отнимается», – так подчеркивается духовная смерть через отступление от традиционных устоев.

Бабушка принимает решение «замараться» торговлей, «поскольку задавила нищета и нерадивость близких» [Там же. С. 255]. Торговля нацелена на помощь своей семье, но, когда пьяная Галька сжигает хлеб, Бабушка замечает: «Что же я наделала?» [Там же. С. 266]. Интенция покаяния и впадение в грех ради спасения близких (пусть и мнимого) актуализирует сюжет о Сонечке Мармеладовой. Именно намерение оказывается более значимым, чем его реализация, преодолевая рамки заданных ценностей. Бабушка получает отпущение грехов, свидетельством чему и является то, что «взъярившиеся небеса не желали отдавать Бабушкино тело земле» [Там же. С. 269].

Метасюжет о Великом Инквизиторе в прозе Р. Сенчина

Совсем иной контекст приобретает торговля спиртом в романе Р. Сенчина «Ёлтышевы», где последовательность ошибочных решений приводит к разложению и гибели. В романе вопрос выбора пути задается уже с первых строк, но – при этом – неизменно сопровождается отрицательной коннотацией: выбор не сделан или сделан неправильно: «...тот момент, когда, как в сказке про богатыря, нужно было выбрать путь, по которому двинуться дальше, Ёлтышев проспал. <...> появлялась то одна, то другая возможность действительно изменить судьбу. Но он не решался» [Сенчин, 2017. С. 8]. Возвращение на родину, в деревню, Валентины имеет совсем иные коннотации, чем в «классической» традиционалистской прозе или даже у Екимова и Тарковского. Прощаясь с городской квартирой, Валентина «взвыла, как на похоронах, повалилась» [Там же. С. 31]. Выбор остается прерогативой старшего поколения – именно Николай и Валентина совершают ошибки, принимают индивидуальные решения. В их сыновьях воплощены два типажа: Артем – философ (упоминается иронически), а Денис – воин. В изменившемся мире герой-интеллектуал не жизнеспособен, не может ни поддержать семью, ни устроить свою судьбу – отказывается и от труда, и от сына, и нелепо гибнет в ссоре с отцом. Денис, хоть и не воевал, но приобрел вид «бывалого парня – ходил с перевальцем, долго после дембеля носил форму, хищно посапывал перебитым носом, всегда был настроен подраться, собирался наняться то в иностранный легион, то в спецназ» [Там же. С. 39]. Важно, что акцент сделан именно на форме, это тоже карикатура на типаж, несчастливо воин оказывается в тюрьме, а освободившись, не успевает ничего поправить – его убивают в первую же ночь дома.

Так обрываются судьбы героев, которые – каждый по-своему – отказались делать выбор / следовать своей судьбе. Иначе строится жизнь их родителей: выбор Николая – череда насилия (от использования газа в медвытрезвителе до убийств, которые описываются исключи-

тельно как физическое действие, без рефлексии), выбор Валентины – пьянство, а потом и участие в торговле спиртом, что демонстрирует постепенный отказ от ценностных ориентиров. Принципиальное отличие от Бабушки в повести Тарковского заключается в отсутствии жертвенности – Ёлтышевы торгуют спиртом ради собственного благосостояния.

Трагизм Сенчина заключается в том, что изменившийся мир не предполагает моделей самостояния: любой выбор ведет к разрушению и смерти. По сути, выбор – лишь иллюзия, хотя на протяжении всего текста подчеркивается, что герои принимают неправильные решения, альтернативы в плане повествования нет.

Заключение

Таким образом, метасюжет о Великом Инквизиторе в преломлении традиционализма демонстрирует мир бунтующий, утративший систему ориентиров, но обретший свободу выбора. Хаос преодолевается только способностью личности к любви и жертве, без которых невозможно приобщиться к вечности (бессмертию души).

Список литературы

- Берг М.** Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе. М.: НЛО, 2000. 342 с.
- Волгин И. Л.** Достоевский в изгнании // Октябрь. 2007. № 8. URL: <http://magazines.russ.ru/october/2007/8/vo9.html> (дата обращения 23.06.2018).
- Достоевский Ф. М.** Братья Карамазовы // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 12 т. М.: Правда, 1982. Т. 4. 384 с.
- Екимов Б. П.** Пиночет // Екимов Б. П. Привет издалека: рассказы, повести. М.: Русский мир, 2011. С. 390–454.
- Екимов Б. П.** Предполагаем жить // Новый мир. 2008. № 5, 6. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2008/5/ek2.html (дата обращения 23.06.2018).
- Ковтун Н. В.** Патриархальный миф в традиционалистской прозе рубежа XX–XXI веков // Сибирский филологический журнал. 2013. № 1. С. 77–87.
- Сенчин Р. В.** Ёлтышевы // Сенчин Р. В. Срыв: проза жизни. М.: АСТ, 2017. С. 5–246.
- Сухих О. С.** «Великие инквизиторы» в русской литературе XX века. Н. Новгород: Медиа-график, 2012. 208 с.
- Тарковский М. А.** Избранное. Новосибирск: ИД «Историческое наследие Сибири», 2014. 496 с.

References

- Berg M.** Literaturokratiya. Problema prisvoeniya i pereraspredeleniya vlasti v literature [Literaturokratiya. The Problem of Appropriation and Redistribution of Power in Literature]. Moscow, NLO Publ., 2000, 342 p. (in Russ.)
- Volgin I. L.** Dostoevskiy v izgnanii [Dostoevsky in Exile]. *Oktyabr'*, 2007, no. 8. URL: <http://magazines.russ.ru/october/2007/8/vo9.html> (accessed: 23.06.2018). (in Russ.)
- Dostoevskiy F. M.** Brat'ya Karamazovy [The Brothers Karamazov]. In: Dostoevskiy F. M. Sbranie sochinenii [Collected Works]. In 12 vols. Moscow, Pravda Publ., 1982, vol. 4, 384p. (in Russ.)
- Ekimov B. P.** Pinochet [Pinochet]. In: Ekimov B. P. Privet izdaleka: rasskazy, povesti [Hello from Afar: Stories, Novels]. Moscow, Russkii mir Publ., 2011, p. 390–454. (in Russ.)
- Ekimov B. P.** Predpolagaem zhit' [We Intend to Live]. *Novyi mir*, 2008, no. 5, 6. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2008/5/ek2.html (accessed: 23.06.2018). (in Russ.)

- Kovtun N. V.** Patriarkhal'nyi mif v traditsionalistskoi proze rubezha XX–XXI vekov [Patriarchal Myth in the Traditionalist Prose of the Turn of the 20th – 21st Centuries]. *Siberian Journal of Philology*, 2013, no. 1, p. 77–87. (in Russ.)
- Senchin R. V.** Eltyshyevy. In: Senchin R. V. Sryv: proza zhizni [Disruption: Life Prose]. Moscow, AST, 2017, p. 5–246. (in Russ.)
- Sukhikh O. S.** “Velikie inkvizitory” v russkoi literature XX veka [“The Great Inquisitors” in Russian Literature of the 20th Century]. Nizhnii Novgorod, Media-graphic Publ., 2012, 208 p. (in Russ.)
- Tarkovsky M. A.** Izbrannoe [Favorites]. Novosibirsk, Istoricheskoe nasledie Sibiri Publ., 2014, 496 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
10.05.2019

Сведения об авторе

Степанова Василина Андреевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева (ул. Ады Лебедевой, 89, Красноярск, 660049, Россия)
burivouh@mail.ru
ORCID 0000-0001-9579-8120

Information about the Author

Vasilina A. Stepanova, Candidate of Philology, senior lecturer of the Department of World Literature and Methodic of teaching Faculty of Philology, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev (89 Ada Lebedeva Str., Krasnoyarsk, 660049, Russian Federation)
burivouh@mail.ru
ORCID 0000-0001-9579-8120